

**«Поэту в мире нет закона –
он благодатью осенен»**

Случайностей в мире нет и это не новость. Наверное, поэтому я не удивился, когда накануне Дня победы «случайно» открыл сборник стихов Николая Алешкова «Дальние луга», и «случайно» увидел такие строки:

Скрип шагов за спиной не люблю.
Русский снег чужаками утопан.

...Незадолго до Дня победы все либеральное интернет-пространство начинает гадко шевелиться, призывает забыть про славу Русского оружия. Аргументы приводятся хоть и не логичные, но зато – ух! – напористые: дескать, мы никакого отношения к Победе не имеем, ведь это не мы, это наши прадеды победили, значит победа – не наше дело. Война это голод, грязь и смерть, следовательно – не надо радоваться окончанию войны. Не все еще в стране сыты, следовательно – оружие вообще необходимо проесть и пропить... Предлагается вывод: посыпьте, русские, пеплом свои виноватые головы и успокойтесь. Такая у пропаганды кривая логика...

За что нас – русских – ненавидят, боятся и пытаются укусьить? Известно, за что: за то, что мы это – мы. А вот – как этому противостоять? Поэт Николай Алешков на этот вопрос отвечает с пророческим размахом, краткостью и точностью, будто дает рецепт, стоит лишь вчитаться:

Враг отступит, глаза опуская,
Если русский поднимет глаза.

Действительно, сколько еще нам ходить с опущенными глазами? Ведь враг, как подлая дворняга, чувствует момент смятения сильного, и в этот момент вероломно по-шакальи кусает. Как, все же, своевременно в моих руках оказался сборник стихов Алешкова! – поднимаю глаза.

Впрочем, надо ли удивляться тому, что стихи Алешкова отвечают на животрепещущие вопросы? Не думаю. Ведь поэт только тогда и – поэт, когда его душа живет болью и радостью Родины, когда его сердце переживает все, что тревожит его земляков. А ещё у настоящего поэта обязательно находятся строки, которые, как говорил шмелёвский

Крынкин: «Кажинное словечко, как навыврез! Так в рамочку и просится! Так и поставлю в рамочку – и на стенку-с!..»

...Нельзя менять ни родину, ни веру.
Я это знал. И ты на этом стой!

Призыв? Разумеется. Хотя скорее это похоже на глубокий жизненный опыт.

Вообще, сборник стихов Николая Алешкова дышит переживаниями о судьбах Родины. К счастью, его патриотичные строки лишены дешевого пафоса, легко усваиваются, а значит – воспитывают читателя. И повышают в читателе патриотический тонус:

Ничего нам враги не забыли,
Победившим в священной войне...

Это сушая горькая правда от поэта Николая Алешкова. В XXI веке все это очевидно, как никогда.

Впрочем, есть в сборнике строки, с которыми ни мириться, ни соглашаться русскому человеку не к лицу, как в стихотворении «Илья Муромец»:

Надо сжить врага со свету!
Но... России больше нету.

Нету?! Может быть поэту на минуту открылись сферы, недоступные глазу обывателя? Может он знает нечто, сокрытое от нас до поры? Не рискну на эту тему сейчас рассуждать. К тому же сам Алешков тут же в своём сборнике успокаивает читателя, и указывает направление отечественного вектора:

В морозном воздухе двоится
Крестьянский острый серп луны...
Кто любит Бога, не боится
Иной неведомой страны.

Для того, кто с Богом, нет в жизни поражений и страхов, тому нечего бояться. А «Мы – русские, с нами Бог», следовательно, сколько бы не бесновалось либеральное шакалье, мы все переждем, нам не привыкать.

Поэт Николай Алешков принадлежит к замечательному послевоенному поколению, которое умеет сплотиться, умеет выстоять. Это поколение воспитывалось писателями-фронтовиками, как современные подростки – американскими низкопробными мультиками. Отчасти поэтому любовь к жизни у того послевоенного поколения многократно превышает «современные среднестатистические показатели». Буквально вчера отгремела война с ее ужасами и веселая надежда, сродни Пасхальной, наполнила советскую атмосферу. «Мы живем еще как бы на рассвете, на раннем утре мира, – писала О. Берггольц, – Отсчитывая дни со дня победы, мы знаем, что победа будет разгораться, как разгорается утро. Может быть, что-то из того, что придет к нам с нарастанием мирного времени, не будет узнано нами или окажется не таким, как мы ожидали, представляли себе, но хочется

верить и верится, что полдень мира будет еще светлее, еще щедрей, еще свободней, еще прекрасней, чем мы представляем его сейчас, в первые дни после победы».

Алешкову посчастливилось подниматься на ноги в той светлой послевоенной стране, где повсюду звенело предчувствие больших, прекрасных перемен, все кругом стремилось к небывалой, лучшей жизни, но все еще чернели следы страшной войны:

...Ветры весело пели
и качали звезду
над моей колыбелью
в сорок пятом году.
И салюта зарницы,
что зажглись над Москвой,
расцвели, как жар-птицы,
над моей головой.
Чуть подрос – засверкали
на груди сорванца
боевые медали
с гимнастерки отца...

... Деревенские вдовы,
как пригоним коров.
Скажут, потчуй вдоволь:
– Будь, сыночек, здоров!
Вытрут влажные веки
уголками платка.
Не забуду веки
вкус того молока!
Нас всем миром растили,
пересилив беду.
Я родился в России,
в сорок пятом году.

Нам, не росшим в ту замечательную эпоху, многого не понять и не прочувствовать вовек, как бы мы ни бились. Оттого наше современное творчество просто физически не в состоянии воспринять и передать окружающие краски вселенной, так как это делает Николай Алешков. Послевоенное детство отпечатывается почти на каждом его стихотворении, на протяжении всей творческой биографии звучит в строках Алешкова послевоенный оптимизм. Иначе как? Вот, к примеру, одно из произведений, созданное им уже в XXI веке:

Время года – бабье лето.
Грузди, рыжики в лесу.
Два лирических куплета
с ними вместе принесу.
Время жизни – тоже осень.
Лодка ждет на берегу.
Не курю. И пьянку бросил.
Катю бросить не могу.

Смерть придет – слезу уронят
дети, внуки и родня.
Честь по чести похоронят,
только первым, чур, меня...
А пока живу, однако...
Под ногами-то – ура! –
груздь зарылся в мох, собака!
Вылезай, в ведро пора...

Сколько жизни, сколько любви в этих строчках! Любви ко всему без исключения! Наивному читателю может показаться, что поэт, проживший насыщенную долгую жизнь, не растратил детского щенячьего восторга. Но это совсем не так. Любовь, которая живит настоящую поэзию, есть груз, который не каждому по плечу. И не детским восторгом светят строки Алешкова, а глубоким, зрелым, мощным чувством любви.

Скоро стану седовласым,
потерявшим удаль, стать...
Перед самым смертным часом
вдруг захочется опять
пареньком промчаться ладным
по тропинке в поле ржи...

Осчастливил Бог талантом –
с одиночеством дружи!

...всей душою, всюю кровью,
птицей в небе – песню спеть...

Осчастливил Бог любовью –
будь готов и боль терпеть!

Поэт, не переживший, точнее – не живущий любовью, это не поэт, это графоман. Это мягкое заявление, мое. Апостол Павел говорит жестче: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто». Действительно, от этого космического вечного чувства, очевидно, воспитанного в себе, поэту не отделаться. И ничего общего с наивным восторгом оно не имеет:

Птичка поет за оградой кладбищенской.
Нет у пичужки на счастье «табу».
Бросить бы всё да с котомкою нищенской
дальше судьбу волочить на горбу.
Я никого уж ничем не обрадую,
враз очумевший, угрюмый, пустой,
если лежит вот за этой оградой
счастье моё под могильной плитой.
Пусть позабудут меня, недопешего,

все, кому горя понять не дано.
И от Отечества осточертевшего
я б схоронился на самое дно.
Душу сравнивший с котомкою нищенской,
я за одно благодарен судьбе:
птичка поет за оградой кладбищенской.
Здравствуй, наивность! Спасибо тебе.

Листаю и листаю сборник. Каких только чувств и оттенков нет в стихах Николая Алешкова! Пробую читать его творчество в любом настроении – строки будто сами находят душевную болячку и ложатся лекарством именно на нее.

Иногда критики в своих статьях препарируют полотно определенного автора до отдельных мазков. Мне кажется, здесь такой подход не годится, ведь в данном случае, когда автор прожил полноценную литературную жизнь, когда и патриотизм, и грусть, и радость, и любовь, и гром, и лирические звуки наполняют буквально каждую строку, такое препарирование кажется попросту неуместным, окопеситца выходит. Вот так, в частности, о поэзии Алешкова говорит критик Вячеслав Лютый: «...каждое из понятий, перечисленных в авторской строке, оказывается своего рода входным наименованием целого спектра сюжетов, вполне человеческих и конкретных. Коллизии здесь перетекают на соседнее художественное поле: житейское переключается с духовным, а родное – с повседневным и надмирным».

Что тут можно добавить? Пожалуй только одно: читать стихи Алешкова намного приятнее и полезнее, чем читать статьи про стихи Алешкова.

В мае, в зелени листья,
возле общежития
соловей (слыхали вы?)
пел в пылу наития.
Не в лесу, а посреди
города огромного,
где вчера прошли дожди,
и гудка паромного
не слышать еще с реки,
и река – под радугой...
Коменданту вопреки
я стою и радуюсь,
что не зря среди ветвей
яростно, неистово
соловьиху соловей
два часа высвистывал.
Два часа свистел и я...
Только ближе к вечеру
вышла милая моя:
– Больше делать нечего?